

На следующий же день после возвращения Ли Маосянь велел поставить в восточной комнате стол. Ли Цинвэнь с братьями уселись за него и принялись за грамоту.

Ли Цинчжо и Ли Цинжуй тем временем отправились в уездный город.

С приближением весны улицы уезда оживились. Прохожие, завидев Ли Цинчжо, узнавали в нём ученика из «Зала Возвращения Весны», приветствовали его и поздравляли с наступившим Новолетием, на что юноша неизменно отвечал вежливым поклоном.

Цинчжо пришёл рано, аптека ещё была закрыта, поэтому он решил зайти через задний вход. Едва он миновал ворота и оказался в небольшом дворике, как увидел Чжао Яна и ещё двоих младших учеников — те как раз умывались. Ли Цинчжо только хотел поздороваться, как Чжао Ян, подхватив таз, с размаху плеснул в него водой.

— Ты кто такой?! — закричал задира. — Как ты смеешь вламываться в чужой двор? Вот кликну стражу, живо за решётку пойдёшь!

Юноша успел отскочить, но брызги всё же намочили подол его штанов. Младшие ученики, завидев старшего, хотели было подойти, но, побоявшись гнева Чжао Яна, остались на месте. Они лишь робко тянули его за рукав, умоляя успокоиться.

— Ишь, защитнички выискались! — Чжао Ян злобно зыркнул на них. — Что, тоже захотели вон из аптеки вылететь?

Те испуганно смолкли и лишь одними губами прошептали:

— Старший брат.

— Какого ещё брата вы тут нашли?! — рявкнул Чжао Ян. — Наш «Зал Возвращения Весны» взял этого нищоброта в ученики, а он, неблагодарный, сбежал на полгода. Подумал, видать, что здесь постоянный двор — когда захотел, тогда и явился?

Ли Цинчжо, проигнорировав его выходку, спокойно произнёс:

— Я пришёл повидаться с учителем...

— Да хоть с самим императором! — вопил тот на весь двор. — Дядя ясно сказал: таким наглецам в нашей лавке не место. Проваливай!

Лекарь Люй в аптеке не жил. Цинчжо надеялся тихо попрощаться с товарищами, но не ожидал такой неприкрытой враждебности. Раз уж он твёрдо решил уйти, вступать в перепалку было бессмысленно — это лишь добавило бы хлопот наставнику. Юноша развернулся и молча направился к выходу.

— Можешь хоть на коленях ползать, теперь и это не поможет! — неслось ему в спину.

Цинчжо обошёл здание и встал у главного входа. Горожане, приходившие за лекарствами спозаранку, то и дело останавливались поговорить. Они спрашивали, где он пропал и почему его так долго не было видно. Юноша вежливо отвечал, что был в дальних краях, и справлялся о здоровье их близких.

— Хорошо, что ты вернулся, маленький мастер, — шептали соседи. — Другие ученики больно уж нерадивы. То лекарства не так завернут, что по дороге всё рассыпается, то и вовсе путают коренья...

Ли Цинчжо лишь кивал и обещал передать их жалобы наставнику.

Вскоре показался лекарь Люй. Увидев любимого ученика, он сначала просиял, затем нахмурился, но в конце концов радость взяла верх:

— Вернулся всё-таки! Живой-здоровый, и слава небу!

У Ли Цинчжо защипало в глазах:

— Учитель, простите, что заставил вас тревожиться!

Лекарь Люй, догадавшись, что ученика уже успели «приветить» во дворе, ободряюще похлопал его по плечу:

— Ничего, пойдем внутрь. Сначала поможешь мне с заказами для соседей.

Стоило им войти, как Чжао Ян снова одарил Ли Цинчжо свирепым взглядом. Лекарь принялся за осмотр больных, а юноша привычно занялся сбором рецептов. Чжао Ян, опасаясь, что при поддержке наставника соперник как ни в чём не бывало останется в лавке, поспешил вглубь дома, чтобы нашептать жалобы своему дяде, Чжао Дахао.

Когда последний больной покинул аптеку, лекарь Люй позвал ученика в свои покои. Опустив занавес, он усадил юношу и произнёс:

— Цинчжо, не бойся. Я уже объяснил управляющему причину твоего ухода. Ты поступил как человек чести, и винить тебя не в чем. Он не станет чинить препятствий.

Ли Цинчжо опустился на колени и трижды коснулся лбом пола:

— Ученик виноват перед вами. Вместо того чтобы облегчать вашу долю, я лишь добавил вам забот на старости лет.

— Да что ты, что ты! Встань сейчас же! — лекарь поспешно поднял его. — Ты в нашей лавке самый прилежный и толковый. Управляющий Чжао не глупец, он сам это понимает...

Не успел он договорить, как из-за занавеса донёлся сухой кашель. Лекарь Люй нахмурился:

— Управляющий уже здесь? Прошу, входите.

Чжао Дахао, которого привёл племянник, вошёл в комнату и холодно взглянул на юношу:

— Вернулся, значит?

— Вернулся вчера, господин управляющий, — ответил Цинчжо.

Управляющий Чжао прошёлся по комнате, изображая на лице глубокую озабоченность:

— Лекарь Люй поведал мне твою историю. Причина уважительная, спору нет, но твой уход нанёс ущерб делу. Если я вот так просто приму тебя обратно, что скажут другие? Сегодня один пойдёт благодетеля провожать, завтра другой затеет личные дела — так мы превратимся в балаган, а не в аптеку...

Наставник Ли Цинчжо сжал кулаки. Чжао Дахао ведь обещал не попрекать парня, а теперь завёл старую шарманку! Неужто решил отыграться? Видя, что юноша молчит, управляющий продолжил:

— Впрочем, я готов дать тебе шанс. Подпиши договор на тридцать лет службы, и можешь приступить к работе...

— Помилуйте, господин управляющий! — лекарь Люй вскочил, задыхаясь от негодования. — Цинчжо — мой ученик, а не раб, проданный в кабалу!

Ли Цинчжо осторожно придержал наставника за руку и, подняв взгляд на Чжао Дахао, твердо произнёс:

— Управляющий, боюсь, этому не бывать. По правде говоря, я пришёл сегодня, чтобы попрощаться. Я бесконечно благодарен вам и учителю за науку, и мне горько, что я вынужден обмануть ваши ожидания.

Чжао Дахао знал, что среди молодых учеников Ли Цинчжо не было равных. Лекарь Люй давно советовал доверить парню самостоятельный приём под его присмотром, но управляющий тянул время: он боялся, что, обучив преемника, старый лекарь окончательно отойдёт от дел. Уход юноши казался отличным поводом привязать талантливого работника к лавке навсегда, но хозяин не ожидал, что тот просто откажется от места.

Испугавшись, что добыча ускользает из рук, Чжао Дахао тут же сменил тон:

— Ну-ну, я лишь хотел проверить твою серьёзность. Раз лекарь Люй так за тебя радуется, на этот раз забудь о договоре. Ты вернулся, так поскорее приступай к делам.

Наставник, собиравшийся было разразиться гневной отповедью, понемногу остыл, видя, что управляющий пошёл на попятную.

Ли Цинчжо, однако, не спешил радоваться:

— Благодарю за доверие, господин управляющий, но я всё же не смогу остаться.

Он повернулся к учителю:

— Учитель, мне передали рекомендательное письмо в столичную академию. Вы знаете, как я всегда мечтал о настоящем учении. Я не могу упустить такой случай...

Он снова опустился на колени:

— Простите своего нерадивого ученика за то, что ваши труды пошли прахом!

Лекарь Люй сначала опешил, а затем лицо его просияло:

— Да что ты! Какое же это горе? Это великая радость, мой мальчик! Великая удача!

— Учиться в столице — это благословение небес! — лекарь, светясь от гордости, поднял Цинчжо с колен. — Я счастлив за тебя всем сердцем. Жаль только, что путь до столицы неблизкий, и свидимся мы теперь не скоро.

— Учитель... — у юноши задрожал голос.

— И ты вот так просто уйдешь?! — взвился Чжао Дахао, багровея от ярости. Он ткнул пальцем в сторону Ли Цинчжо. — Ах ты, неблагодарный щенок! Когда ты пришёл сюда, у тебя и штанов-то приличных не было! Учитель тебя грамоте и делу наставлял, аптека тебя кормила и кровом обеспечила, а ты, выучившись, решил хвостом вильнуть?! Белоглазый волк, вот ты кто!

Слова Чжао Дахао были несправедливы. Ли Цинчжо действительно многому научился в лавке, но за годы службы он работал не покладая рук, не получая ни медного гроша жалованья. Вину он чувствовал лишь перед наставником, который вкладывал в него душу. Предвидя такой поворот, он достал из мешка шкатулку:

— Я осознаю свой долг перед лавкой. В Пограничном городе мне удалось раздобыть редкий линчжи...

По закону Ли Цинчжо мог просто уйти, и Чжао Дахао ничего не смог бы сделать. Но юноша понимал: если он расстанется с управляющим врагами, тот выместит злобу на старом учителе.

Увидев шкатулку, хозяин аптеки грубо вырвал её из рук юноши. Из-за слишком резкого движения великолепный гриб выпал на пол. Лекарь Люй едва не взвыл от негодования, поспешно поднял находку и, осмотрев её, прошептал:

— Редкий сорт. И как искусно обработан...

Чжао Дахао в травах смыслил мало, поэтому, буркнув что-то невнятное, скрылся со шкатулкой за дверь — видать, пошёл искать оценщика. Как только он вышел, Ли Цинчжо достал из мешка коробочку поменьше и протянул учителю:

— Учитель, взгляните, годен ли этот товар?

Лекарь Люй открыл крышку, увидел тонкие срезы пантов оленя и, помедлив, тихо выдохнул:

— Превосходно...

Чжао Дахао, убедившись, что линчжи стоит немалых денег, вскоре вернулся. Гнев его поутих, ведь он не остался в накладе. Посмотрев на лекаря и его ученика, он сухо бросил:

— Вы ради благодетеля в такую даль ездили... Смотри же, Ли Цинчжо, если в столице в люди выйдешь, не забывай, кто тебя на ноги поставил. Человек без благодарности — не человек.

Юноша вежливо поклонился, обменялся парой подходящих фраз и вышел на крыльцо, где помахал наставнику на прощание.

Ли Цинжуй ждал его неподалеку. Увидев брата, он подошёл и ободряюще хлопнул его по плечу:

— Не кручинься. Будешь в наших краях — заглянешь к лекарю. Мы ведь не навсегда расстаёмся.

Слова звучали утешительно, но Ли Цинчжо знал: столица далеко от Бинчжоу, и бог весть, когда он снова сможет вот так запросто поговорить с учителем.

Пока братья возвращались, Ли Цинвэнь в поте лица трудился над книгами. Они заучивали «Тысячесловие», и с самого утра дом оглашался их звонкими голосами — чем громче они читали, тем радостнее становился Ли Маосянь. Отец сам когда-то начинал с этого текста и теперь заставлял сыновей повторять его сотни раз, пока слова не отпечатывались в памяти. Только после этого им разрешалось братья за кисть.

У Ли Цинвэня была привычка — заучивая текст, он мысленно представлял написание иероглифов. Здесь использовали преимущественно сложное письмо, и Сынок порой спотыкался, чем вызывал безжалостные насмешки Четвёртого брата. Впрочем, Ли Цинфэну за его остроты тут же перепало от матери.

Бумага и тушь стоили дорого, поэтому за каждую каплю туши приходилось отчитываться. К тому же на всех была лишь одна книга, что делало учение ещё более хлопотным. Ли Цинвэнь в очередной раз остро почувствовал, как семье необходимо серебро.

В доме Ли привыкли готовиться ко всему заранее. Едва Цинчжо вернулся из уезда, как Ли Маосянь и госпожа Чэнь принялись собирать его в дорогу, хотя сердце их и разрывалось от тоски. Мать хотела справиться сыну новые одеяла, но тот отказался: в академии не до роскоши, старых хватит. Отец же рассудил, что в такой дали важнее всего иметь при себе деньги — в чужих краях без них и шагу не ступишь.

Они вытряхнули все запасы: набралось чуть больше сорока лянов серебра — почти всё, что удалось выручить от продажи товаров в Фанъяне. Сумма была немалой, но Ли Маосяню всё казалось мало. Он знал, что дорога полна опасностей, а в столице нужно на что-то жить, покупать учебники и тушь.

Отец уже подумывал, у кого бы занять, когда Сынок предложил:

— Может, продадим мула, чтобы добавить?

Лошадь, подаренную Братом Цзяном, он трогать не смел — к тому же она была незаменима для будущих поездок.

— Не нужно! — Ли Цинчжо достал из кошелька несколько слитков. — Это учитель Люй дал на дорожные расходы.

Панты оленя юноша подарил учителю в знак признательности, но лекарь, зная, что семья Ли небогата, побоялся, что ученику в столице придется туго, и силой всучил деньги. В итоге

набралось около пятидесяти восьми лянгов. В прежние времена такая сумма заставила бы семью плясать от радости, но сейчас, глядя на Цинчжо, уезжающего в безвестность, все лишь вздыхали — казалось, и этого мало.

— Достаточно, — твёрдо сказал Ли Цинчжо. — Не стоит больше побираться, в деревне и так мало у кого лишний грош водится. Если припрёт, я пришлю весточку.

Ли Цинвэнь серьёзно кивнул:

— Брат, не волнуйся. Как поедem в Пограничный город, при первой же возможности вышлем тебе денег в столицу.

С деньгами вопрос решили. Пока женщины собирали узлы, Ли Цинчжо переписал купленные книги в нескольких экземплярах — теперь Ли Цинвэню и остальным не нужно было драться за один свиток. Второй брат писал лучше всех в семье: сказывалась и наука отца, и годы практики под присмотром лекаря Люя.

Учение — дело долгое, поэтому медлить с отъездом не стали. Ли Бэньшань, узнав о скором отбытии внука, принёс триста медных монет и несколько корзин яиц. В деревне грамота почиталась делом великой важности, и клан всегда старался поддержать своих учеников.

Ли Цинчжо должен был прибиться к купеческому каравану в Фанъяне. В день его отъезда Второй дедушка и старейшины клана провожали его до самой окраины деревни.

— Береги себя, внучек, — промолвил Ли Бэньшань, и в его затуманенных глазах светилась надежда. — Отец тебя всему научил, лишних слов не надо. Просто храни себя.

Ли Цинчжо поклонился старшим, трижды коснулся лбом родной земли и, попрощавшись, вскочил на телегу. Госпожа Чэнь и госпожа Цзян стояли в обнимку, не в силах сдержать слёз. Возница крикнул на лошадей, колёса закрипели, и юноша долго смотрел на удаляющуюся деревню, чувствуя, как сердце сжимает тоска. Его путь лежал за горизонт, к мечте, ради которой приходилось покидать родной дом.

Мужчины семьи Ли вызвались проводить его до самого Фанъяна. Помимо пожитков Цинчжо, в телегу погрузили те самые берёзовые бревна, что Ли Цинвэнь привез из лесов севера. Мальчик не забыл своего обещания — изготовить для Брата Цзяна лук и стрелы.

Ли Цинфэн на сей раз добился своего и поехал с ними. Он был возбуждён больше всех и шёл впереди телеги, едва ли не обгоняя коней. Места в повозке на всех не хватало, так что Ли Маосянь правил, Ли Цинчжо сидел на тюках, а остальные братья шагали рядом. Прежде прогулка в три сотни ли показалась бы Ли Цинвэню непосильной, но после тысяч верст пути в Пограничный город эта дорога казалась ему лёгкой прогулкой.

Отец заметил, что сыновья не выказывают ни капли усталости, весело переговариваясь всю дорогу.

«Трудности и впрямь закаляют», — подумал Ли Маосянь.

Поездка на север бесповоротно изменила их жизнь, и глава семьи чувствовал — это только начало. Поначалу Цинфэн ворчал, что брёвна занимают место, но стоило Цинвэню рассказать легенду о стрелах «Куши шину», как глаза у парня загорелись:

— Сынок, я тоже хочу такие! Вот выучусь стрелять, не хуже Брата Цзяна буду!

— Хорошо, — улыбнулся Ли Цинвэнь.

Ли Цинжуй, однако, решил остудить его пыл:

— Четвёртый, ты стрельбы Брата Цзяна не видал. Я с ним месяцы провёл и ни разу не видел, чтобы он промахнулся. Чтобы так бить, тебе годы потеть придётся!

— И буду! — запальчиво выкрикнул Цинфэн и подбежал к телеге. — Папа, я хочу боевым искусствам учиться, не нужны мне ваши книги!

Ли Маосянь лишь усмехнулся:

— Ишь, какой прыткий! Другие о грамоте мечтают, а он нос воротит. Чтобы воином стать, учитель нужен, сам-то только палкой махать научишься. Так что пока нет учителя — седи и иероглифы учи!

Не добившись своего, Ли Цинфэн пристал к старшему брату:

— Брат, а как держится Брат Цзян и его люди?

— Не видел я их в деле, — пожал плечами Цинжуй. — Но, видать, не промах, раз в армии служили, а некоторые и в сражениях бывали.

— Вот и славно! Приеду туда — в ученики попрошусь. Только сначала проверю их: если не одолеют меня, так и кланяться не стану, — хорохорился Цинфэн.

Цинвэнь только посмеивался — его всегда восхищала эта неуёмная уверенность брата.

В Фанъяне было заметно теплее: деревья уже подёрнулись нежной зеленью. Оказавшись в городе, они сразу отправились на поиски столичного каравана. Торговля между Фанъяном и

столицей процветала, повозки сновали туда-сюда постоянно. Удачно совпало, что один из караванов отправлялся на следующее же утро.

Они разыскали приказчика. Тот оказался человеком деловым и открытым. Расспросив Цинчжо и убедившись в его серьёзных намерениях, он пообещал в целости довезти юношу до столицы. Приказчик удивился, что такие скромно одетые люди отправляют сына в учение, но дело своё знал и за плату обязался приглядывать за пассажиром.

На следующее утро караван тронулся в путь. Ли Цинчжо стоял на телеге, махая родным, пока те не скрылись из виду. Расставание было горьким, и слёзы сами катились из глаз. Теперь им предстояло ждать, пока в мастерской изготовят стрелы. Денег на развлечения в Фанъяне не было, так что они просто бродили по улицам, любуясь городским шумом. Ли Маосянь, который давно не выбирался в такие большие города, только и дивовался суете.

Через три дня они пришли в лавку лучника. Владелец изготовил пятнадцать стрел: гладкие берёзовые древки, острые железные наконечники — с виду обычные, надёжные изделия. Ли Цинвэнь обменял десять из них на крепкий лук — без него стрелы были лишь бесполезными палками. У Ли Цинфэна все ладони были в мозолях и царапинах, но он сиял от счастья, сжимая в руках заветное оружие.

На прощание старый мастер сказал:

— Если когда-нибудь найдете дерево, из которого и впрямь можно выточить божественные стрелы, везите его ко мне. Сделаю всё даром, только бы на такое чудо взглянуть.

Цинвэнь обещал. Он всё ещё верил в легенду о «Куши шину» и знал, что вернётся сюда не раз. Когда семья покинула лавку, подмастерья обступили хозяина:

— Мастер, уж больно вы добры к ним.

Старик лишь покачал головой.

«Много ли на свете людей, которые не бросают мечту, даже зная о её несбыточности?» — подумал он.

Выйдя за ворота, Ли Цинфэн не удержался и прошептал:

— Сынок, я опробовал стрелы. Не такие уж они и крепкие — если нажать посильнее, ломаются как тростинки.

Ли Цинвэнь печально кивнул. Он и сам начал понимать: легендарные стрелы не делаются из обычной берёзы. Путь к совершенству оказался куда сложнее, чем он воображал.

Но Четвёртый брат всё равно не мог унять восторга. Он всю дорогу болтал о том, как станет самым метким стрелком в Пограничном городе. На людных улицах города он не смел натянуть тетиву, и это ожидание томило его больше всего на свете.

<http://bllate.org/book/15828/1440289>